

Я был директором Большого театра...

«Тайм-аут» (монтаж пестрых впечатлений)

Михаил ЧУЛАКИ

За пять полных сезонов (с 1955 по 1960 годы) при мне было поставлено:

Многоактных опер — 10 (из них 4 современных авторов),
одноактных опер — 3 (все из классического наследия),
многоактных балетов — 6 (все современных авторов),
одноактных балетов — 4 (из них 2 современных авторов).

Это цифры для статистики. Был ли я удовлетворен своей деятельностью на столь ответственном посту?

И да, и нет.

Да, — потому что я мог с чистым сердцем утверждать, что Театру я отдавал все свои силы и что все мои помыслы были устремлены к его благу, в интересах театра я даже поступился своим творчеством, ничего не требуя взамен и не стремясь извлечь для себя какой-либо выгоды.

Нет, — потому что среди более чем двадцати опер и балетов, поставленных за пятилетний срок моего директорства, не оказалось таких, которые с полным

Продолжение. Начало см. №№ 33—35 за 1990 год и № 1 за 1991 год.

правом претендовали бы на место в ряду спектаклей «золотого фонда» в репертуаре первого музыкального театра нашей страны.

И теперь, когда после бешеной скачки длиной в пять лет, мне выпало, фигурально выражаясь, придержать своего скакуна «под уздцы», я готов ответить на вопрос, часто задаваемый средствами массовой информации в рубрике: «Если бы директором был я...».

Так вот, если бы я был директором (директором Большого театра!), то повседневно участвовал бы в работе художественного руководства, чтобы иметь возможность лично влиять на качество исполнения текущего репертуара, памятуя, что работа театра оценивается зрителями не только по средоточию в отдельных спектаклях наиболее выдающихся артистов (что случается не так уж часто), но в еще большей мере по качеству составов так называемых рядовых спектаклей, коих в театре большинство.

И еще постарался бы тщательно, даже придирчиво, отбирать новые произведения, предлагаемые кем бы то ни было к постановке, всесторонне обсуждая их на художественном совете и организуя знакомство с ними всего коллектива.

Само собой разумеется, что я расширил бы поиск перспективных талантливых исполнителей, которые могли бы стать достойной сменой прославленным ветеранам.

По части зарубежных контактов я всемерно поощрял бы крупные обменные гастроли и, наоборот, всячески старался бы препятствовать дроблению коллектива на небольшие группы, выступающие на неподходящих сценах с облегченным репертуаром.

Вот какие задачи я бы в первую очередь ставил перед собой, если бы был директором...

Но есть одно обстоятельство, о котором не могу умолчать, это некоторая «ершистость» моего характера, нетерпимая в обращении с непосредственным на-

чальством. Я неуступчив, недипломатичен и слишком широко понимаю свою самостоятельность, особенно тогда, когда считаю себя более компетентным, чем те, кто по своему положению вправе отдавать мне приказания. Во всяком случае меньше всего я пригоден играть роль «козла отпущения».

Но, что было — то было. Боюсь, что мне себя уже не переделать.

* * *

...Я был бы неискренен, в первую очередь перед самим собой, если бы утверждал, что отлучение от театра не причинило мне сильных огорчений, — наоборот, я убежден, что лишь решительное переклочение на творчество сохранило мне бодрость духа и предотвратило непоправимые физические издержки...

Большую роль в том, что «остановка на всем скаку» не привела к нежелательным последствиям, сыграл Д. Д. Шостакович, наш замечательный композитор, перед тактом которого и человечностью я не перестаяю преклоняться. Избранный к тому времени первым секретарем Союза композиторов РСФСР, он предложил мне войти в возглавляемый им секретариат и участвовать в подготовке очередного творческого пленума под девизом «Ленин — Партия — Народ».

Дух товарищества и творческая атмосфера, царившая в руководстве российского Союза композиторов, столь благотворно действовала на меня, что я после долгого перерыва, отданного руководящей деятельности в организациях искусства, в короткий срок создал два крупных симфонических произведения: Третью симфонию («Симфонию-концерт») и девятичастный цикл «Песни и танцы старой Франции».

Но не только восполнению творческой задолженности посвятил я свой «тайм-аут», — кроме того, я постарался использовать его и для освидетельствования некоторых важных событий, вольным или невольным свидетелем которых я был, и которые до той поры оставались как бы за скобками моей деятельности на посту директора Большого театра.

(Продолжение следует).